

© 1993 г., ЭО, № 5

В. Р. Филиппов, Е. И. Филиппова

CREDE EXPERTO *

(Отечественная этнология сегодня
и завтра)

Мысль о том, что в основе научного исследования почти всегда лежит любопытство ученого, вряд ли может претендовать на новизну. Справедлива она и в данном случае. Сознаемся: именно собственная потребность понять, «куда ж нам плыть... и под какими парусами», побудила авторов пригласить к обсуждению ряда важных проблем авторитетных коллег. Мы надеемся, что такое обсуждение поможет оценить ситуацию, сложившуюся в нашей науке, и установить, какие варианты ее развития представляются наиболее вероятными.

Мы уже познакомили читателей «Этнографического обозрения» с результатами первого этапа опроса экспертов по поводу нынешнего состояния отечественной этнологии и ее будущего¹. Предлагая Вашему вниманию продолжение этого исследования, мы не станем вновь останавливаться ни на его задачах, ни на особенностях использованного метода экспертных оценок, ни на принципах отбора экспертов. Отметим только, что, к сожалению, во втором этапе экспертизы не смогли принять участие П. И. Пучков и В. А. Тишков.

Если в первой публикации мы стремились с максимальной полнотой отразить все многообразие высказанных мнений, то на этом, завершающем этапе работы, наша цель состоит в получении некоторой обобщенной, интегрированной точки зрения, количественной модели «состояния умов» российских этнологов. Одновременно мы пытаемся определить степень согласованности взглядов опрошенных нами коллег, выявить группы единомышленников, а также тех ученых, чьи суждения стоят особняком.

Решить поставленные задачи можно только с помощью специальных статистических приемов анализа формализованной (квантифицированной) экспертной информации². До сих пор в отечественной этнологии эти методы практически не использовались, и это вынуждает нас, злоупотребляя, может быть, вниманием читателей, уделить много места «кухне» исследования при выявлении средней тенденции в каждом конкретном случае.

* * *

Результаты первого этапа исследования показали, что подавляющее большинство экспертов оценивает современное состояние нашей науки как кризисное или близкое к нему. Это побудило нас на втором этапе работы предложить коллегам количественно оценить глубину этого кризиса с помощью условной 11-балльной шкалы (см. рис. 1).

Континуум полученных оценок оказался достаточно широк, хотя в целом эксперты были довольно сдержаны в своих ответах: минимальное значение составило —3,5, максимальное +3 балла. Наиболее негативно оценили ситуацию в отечественной этнологии В. Н. Басилов, М. В. Крюков, Г. Е. Марков; напротив, И. В. Власова и Л. М. Дробижева считают ее вполне приемлемой. Для того чтобы

* Верь опытному (Овидий, «Наука любви»).

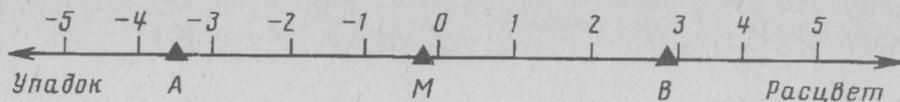

Рис. 1. Представления экспертов о глубине кризиса в отечественной этнологии
A и *B* — крайние точки, характеризующие разброс мнений; *M* — средневзвешенное арифметическое значение

определить на шкале точку, в наибольшей степени «удовлетворяющую» всю группу экспертов, мы прибегли к вычислению средневзвешенного арифметического значения *M*:

$$M = \frac{1}{m} \sum_{i=1}^m C_i V_i$$

где *C* — оценка (в баллах), выставленная *i*-м экспертом; *V* — самооценка (в баллах) компетентности *i*-го эксперта в обсуждаемых проблемах; *m* — число экспертов; *i* — порядковый номер эксперта.

Наиболее близки к полученному усредненному значению оценки состояния нашей науки (—0,12 балла) точки, отмеченные С. А. Арутюновым, С. И. Бруком, В. В. Карловым, А. А. Никишенковым, Я. В. Чесновым.

Таким образом, по мнению экспертов, правомерно говорить о неблагоприятности сложившейся ситуации, хотя и нет оснований излишне ее драматизировать.

Поскольку преодоление кризисных явлений невозможно без понимания породивших их причин, была поставлена задача оценить негативное воздействие на развитие отечественной этнологии ряда «внешних» и «внутренних» обстоятельств. Предложенное экспертам «меню» включало 19 таких факторов. Степень деструктивности влияния каждого из них измерялась по трехчленной шкале: «не важно», «важно», «очень важно».

Сразу же отметим, что данный вопрос вызвал наибольшие разногласия. Для определения уровня согласованности суждений экспертов нами был использован коэффициент конкордации *W*, который вычисляется по формуле:

$$W = \frac{12}{m^2 (n^3 - n)} \sum_{i=1}^n d_i^2$$

где *n* — количество анализируемых факторов; *m* — количество экспертов; *d_j* — отклонение суммы рангов по *j*-му фактору от среднего арифметического суммы рангов по *n* факторам.

Коэффициент *W* может принимать значения от 0 до +1. *W* = +1 при полной согласованности мнений экспертов³.

Следует констатировать, что в проведенном нами исследовании значение коэффициента конкордации (которое было рассчитано для каждого вопроса типа «оценка относительной важности») во всех случаях оказалось достаточно низким, а при ответе на вопрос о причинах кризиса — наименьшим (что, впрочем, естественно при таком большом количестве вариантов выбора).

Отказавшись в данном случае от попытки сгруппировать наших собеседников по схожести позиций, мы ограничили свою задачу построением некой обобщенной модели. Иными словами, необходимо было найти усредненное упорядочение причин возникновения кризисной ситуации в отечественной этнологии, максимально согласованное с индивидуальными упорядочениями экспертов. Для этого мы прибегли к расчету «*d*» — так называемой медианы Кемени⁴:

$$d(A, B) = \frac{1}{2} \sum |a_{ij} - b_{ij}|$$

где A и B — упорядочения экспертов A и B ; a, b — ранг причины, определенный экспертами A и B .

В результате было получено следующее интегрированное упорядочение причин, приведших к сегодняшнему неблагополучию в отечественной этнологии.

1. Недостаточное финансирование и слабая материальная база.
2. Идеологизированность науки и монополия марксистско-ленинской теории и методологии; несоответствие статуса этнологии ее общественной значимости.
3. Цензура; некомпетентность руководства наукой; оторванность от мировой научной мысли.
4. Ограниченные возможности публикации результатов научных исследований.
5. Нежелание этнологов заниматься «опасными» темами.
6. Увлечение социологией (в ущерб собственно этнографии).
7. Наличие социального заказа на результаты исследований; слабое взаимодействие вузовской и академической науки; недостаточный уровень профессиональной подготовки специалистов этнографов; преобладание описательных работ над аналитическими; пренебрежение исследованиями по современности; недостаточная эмпирическая база исследований.

Обратим внимание читателя на то, что в числе наиболее важных оказались факторы как бы «внешние» по отношению к науке, не зависящие от творческой деятельности ученых; напротив, причины «внутренние», имманентно присущие самой этнологии, оценены экспертами как менее значимые. Это, на наш взгляд, и объясняет отсутствие явного пессимизма в ответах на первый вопрос (т. е. достаточно сдержанную оценку глубины кризиса).

В контексте поиска возможностей вывода отечественной этнологии из состояния застоя экспертам было предложено оценить по условной 100-балльной шкале относительную важность различных направлений исследований. Определение средней тенденции в суждениях опрошенных позволило нам представить ответы на этот вопрос в виде гистограммы (см. рис. 2), которая выявляет метрику в перепадах оценки экспертами важности каждого из аспектов этнологических изысканий. Однако большое число переменных, вовлеченных в статистический анализ, и значительная «изломанность» линии гистограммы затрудняют визуальное восприятие изображения. Расчет медианы Кемени (d) позволил нам сгруппировать все перечисленные в инструментарии экспертного опроса направления исследований в пять блоков, приведенных ниже в порядке убывания их значимости.

1. Этническое сознание и самосознание; межэтническое взаимодействие.
2. Этногенез и этническая история; соционормативная культура, обычаи; религия, верования; социальная организация этносов; комплексное, системное изучение этносов.
3. Теоретические проблемы этнологии; историко-этнографическое районирование; историография этнографии.
4. Фольклор и обрядность; методика и техника сбора эмпирического материала.
5. Антропогенез; социогенез и история первобытного общества; материальная культура и хозяйство; типологизация этнических общностей; этнографическое музееведение; этнографическое источниковедение.

Такое распределение приоритетов, очевидно, обусловлено тем, что современная этнополитическая ситуация в стране, взрыв национальной конфликтности заставляют ученых акцентировать внимание на тех аспектах изучения этнических процессов и явлений, которые имеют прикладное значение и могут способствовать оптимизации межнациональных отношений.

Направления исследований, которые могут быть отнесены к фундаментальной

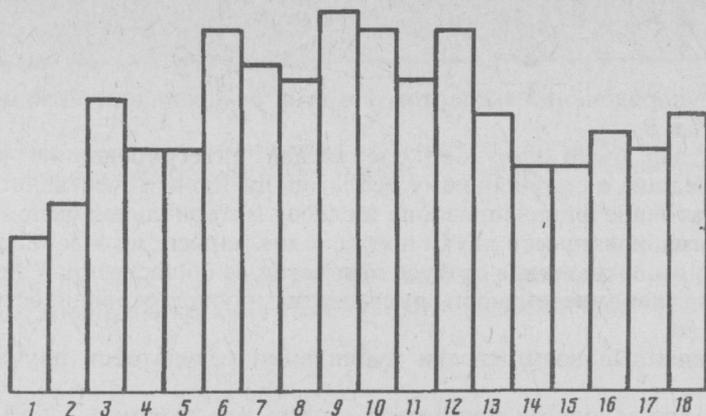

Рис. 2. Относительные оценки важности разработки различных направлений исследований (среднеарифметические значения оценок по условной столбальной шкале).

Цифрами обозначены следующие аспекты исследований: 1 — антропогенез; 2 — социогенез, история первобытного общества; 3 — этногенез и этническая история; 4 — материальная культура и хозяйство; 5 — фольклор и обрядность; 6 — соционормативная культура и обычаи; 7 — религия, верования; 8 — социальная организация этносов; 9 — этническое сознание и самосознание; 10 — межэтническое взаимодействие; 11 — теоретическая этнология; 12 — комплексное, системное изучение этносов; 13 — историко-этнографическое районирование; 14 — типологизация этнических общностей; 15 — этнографическое музееведение; 16 — этнографическое источниковедение; 17 — методика и техника сбора эмпирического материала; 18 — историография этнографии

науке, формированию ее теоретико-методологической базы, а также изучение круга проблем, которые принято называть «традиционной этнографией», отодвинулись в сложившейся ситуации на второй план.

Далее экспертам было предложено, исходя из их представлений о важности тех или иных направлений исследований, оценить преимущества различных групп источников. Перечисленные в инструментарии источники рассматривались специалистами с учетом таких характеристик, как новизна, информационная насыщенность, уникальность содержащейся в них информации и ее репрезентативность.

Расчет средневзвешенных балльных оценок, выставленных экспертами, убеждает в том, что безусловно важнейшим источником для изучения этнических процессов и явлений были и остаются полевые материалы. Второе место поделили архивные материалы и экспертная информация (последнее обстоятельство весьма порадовало авторов статьи). На третьем месте оказались музейные коллекции, данные государственной статистики и художественная литература. Наименее интересными с точки зрения этнологии эксперты сочли археологические материалы, фольклор и прессу. Слабый интерес к этим группам источников, по-видимому, связан с необходимостью специальной подготовки исследователя или трудоемких процедур для их анализа.

Очевидно, что целесообразность того или иного метода сбора информации определяется характером стоящих перед исследователем задач, спецификой объекта изучения и т. д. Однако нам показалось заманчивым получить обобщенную оценку соответствия применяемых наукой методов тем «внешним» условиям, в которых она ныне развивается, и уровню, которого она достигла. В связи с этим мы предложили экспертам оценить по пятибалльной шкале познавательные возможности важнейших для этнографии методов сбора эмпирического материала.

Уже при первичном анализе полученных данных мы обнаружили, что существует по крайней мере два подхода к решению этой проблемы, каждый из которых имеет своих сторонников. Для того чтобы сгруппировать принявших участие в

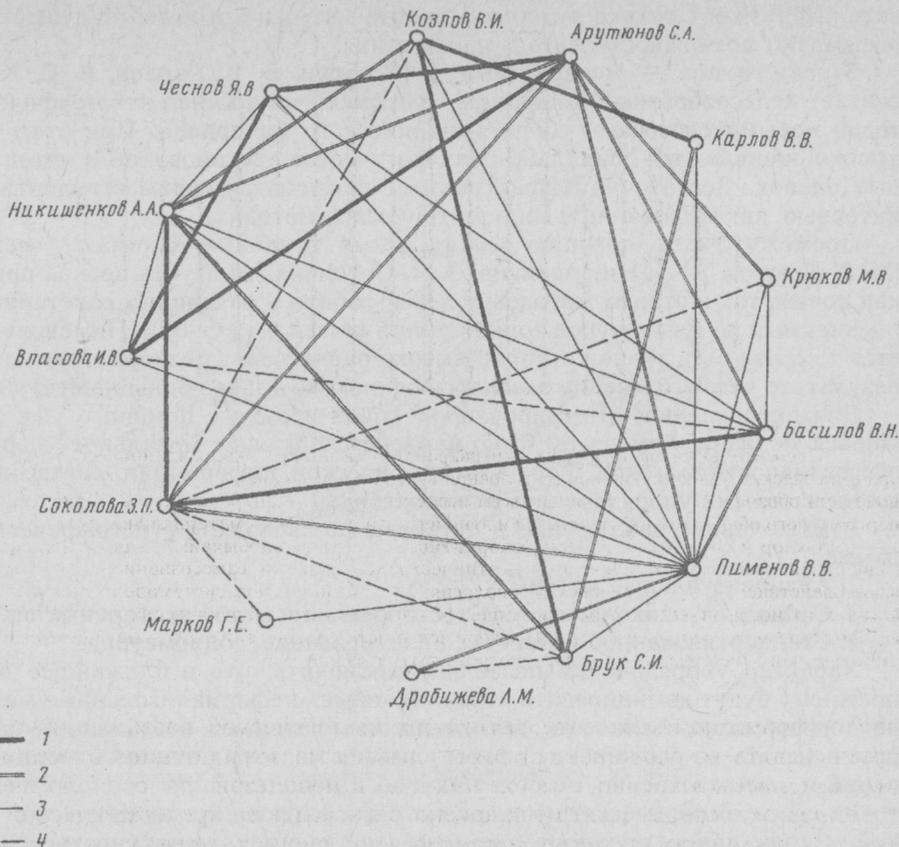

Рис. 3. Граф связей суждений экспертов по вопросу об эффективности различных методов сбора этнографической информации.

Линии на графе соответствуют значениям коэффициента: 1 — $0,70 \leq \rho \leq 1,00$; 2 — $0,60 \leq \rho \leq 0,69$; 3 — $0,50 \leq \rho \leq 0,59$; 4 — $0,40 \leq \rho \leq 0,49$

опросе специалистов по принципу схожести точек зрения, мы рассчитали сплошную матрицу коэффициентов парной ранговой корреляции ρ :

$$\rho_{\alpha\beta} = 1 - \frac{\sum_{i=1}^n \varphi_j^2}{\frac{1}{6}(n^3 - n) - \frac{1}{12}(T_\alpha + T_\beta)}$$

где φ_j — разность величин рангов оценок j -го метода сбора материала; T_α и T_β — показатели связанных рангов оценок экспертов α и β .

Коэффициент парной ранговой корреляции может принимать значения $-1 \leq \rho \leq +1$. Значение $\rho = +1$ соответствует полному совпадению оценок двух экспертов⁵.

На основе полученной матрицы был построен граф, позволяющий наглядно представить существующие группы единомышленников по данному вопросу (см. рис. 3).

Первая группа — назовем ее условно «традиционалистской» (С. А. Арутюнов, В. Н. Басилов, И. В. Власова, Я. В. Чеснов) — явно отдает предпочтение испытанным собственно этнографическим методам, таким как включенное наблюдение и интервью по свободной программе. Из более современных методик эти исследо-

ватели признают только аудиовизуальные методы, которые, по существу, лишь расширяют возможности метода наблюдения.

Вторая группа — «модернисты» (С. И. Брук, В. В. Карлов, В. И. Козлов) — считает целесообразным пополнить традиционный арсенал этнографических методов новыми способами сбора эмпирического материала. При этом особенно высоко оцениваются социально-психологическое тестирование и метод экспертных оценок. Достаточно эффективными признаются также стандартизованное интервью, анкетирование и социометрические методики.

Промежуточную позицию между этими группами занимают «центристы» (М. В. Крюков, А. А. Никишенков, З. П. Соколова), выступающие за применение как новых, так и старых методов полевой работы в различных сочетаниях.

Видимый на графе пучок тонких линий связей вокруг В. В. Пименова объясняется тем, что он в равной степени высоко оценил все предложенные методики, в результате чего его мнение оказалось одинаково близко большинству экспертов.

Для определения интегрированной точки зрения с помощью уже упоминавшейся медианы Кемени (d) было найдено следующее модальное упорядочение эффективности методов сбора этнографической информации, согласованное со всеми частными упорядочениями экспертов.

1. Включенное наблюдение и интервью по свободной этнографической программе.

2. Аудиовизуальные методы.

3. Социально-психологическое тестирование и метод экспертных оценок.

4. Стандартизованное интервью, анкетирование, социометрия.

Характер упорядочения позволяет заключить, что в ближайшее время по-прежнему будут доминировать «традиционные» неформализованные методы сбора информации. Если эта тенденция окончательно возобладает, то нельзя рассчитывать на расширение сферы влияния массовых этнологических обследований и, соответственно, на более активное использование социологических методов сбора эмпирического материала с последующей статистической обработкой. Столь явное предпочтение методов, дающих возможность «глубинного проникновения» в суть изучаемых феноменов (разумеется, за счет репрезентативности данных), обусловлено, вероятно, тем, что этносоциологические исследования более подвержены влиянию политической конъюнктуры, а также тем, что собранная с их помощью информация содержит изрядную долю «шума» и «помех», измерить и нивелировать которые весьма сложно. К сожалению, отказ от формализованных методов сбора данных неизбежно повлечет за собой деградацию сложившейся в отечественной науке школы квантификации этнических явлений и процессов, что, в свою очередь, не сможет не сказаться на качестве системных исследований.

На выбор объектов будущих этнологических изысканий, судя по высказанным мнениям, существенное влияние будет оказывать актуальная этнополитическая и геополитическая ситуация. Хотя исчезающие этносы и слабоизученные народы по-прежнему останутся предметом особого внимания ученых, эксперты считают также весьма актуальными исследования конфликтующих этносов и этносов со сложной внутренней структурой.

Очевидно, в обозримом будущем этнологи при выборе объекта изучения вынуждены будут руководствоваться не только сугубо «академическим» интересом, но и соображениями практической полезности своих изысканий. Преобладание прикладных этнологических исследований будет вызываться и легко прогнозируемыми особенностями финансирования науки. Безусловно, лучше оплачиваться будут те работы, в результатах которых заинтересована сфера управления.

Конец былого методологического «единомыслия» советских этнографов, вероятно, повлечет за собой существенные изменения в теоретическом обеспечении отечественной этнологии. В связи с этим мы предложили экспертам оценить по условной пятибалльной шкале перспективу формирования методолого-

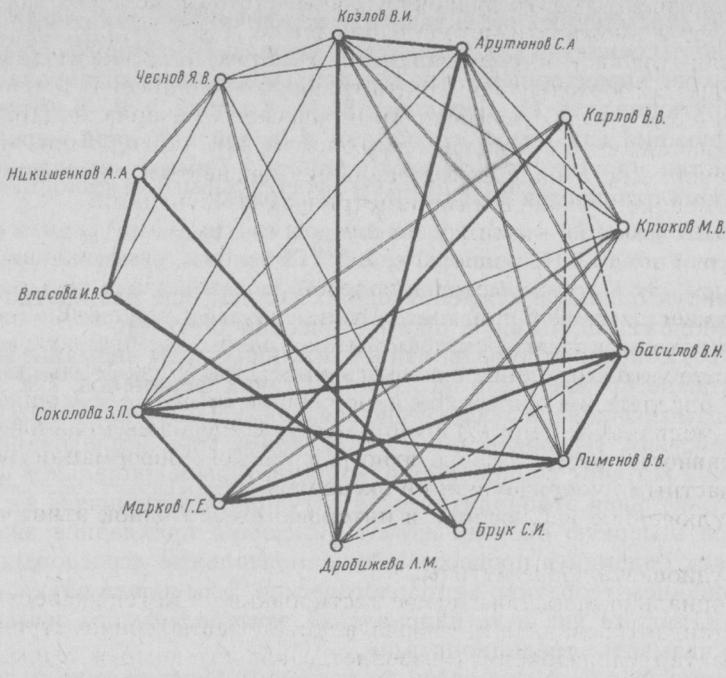

Рис. 4. Граф связей суждений экспертов по вопросу о вероятных изменениях в теоретическом обеспечении отечественной этнологии.

Линии на графе соответствуют тем же значениям коэффициента, что и на рис. 3

теоретической базы этнологических исследований в ближайшие годы. Опрос показал, что наши коллеги видят ее весьма по-разному. Это хорошо заметно на графе связей, рассмотренном, как и в предыдущем случае, на основе коэффициентов парной ранговой корреляции (см. рис. 4). Одни ученые (С. А. Арутюнов, Л. М. Дробижева, В. И. Козлов, М. В. Крюков) считают наиболее вероятным заимствование отечественной этнологией существующих в зарубежной науке обществоведческих теорий, имеющих методологическое значение. Другие (В. Н. Басилов, Г. Е. Марков, В. В. Пименов, З. П. Соколова), не отрицая такой возможности развития событий, полагают, тем не менее, что в ближайшие годы может еще сохраниться определенное влияние марксизма. Третьи (С. И. Брук, И. В. Власова и А. А. Никишенков) склоняются к мысли о том, что произойдет отказ от попыток выработать какую-либо универсальную теорию развития и функционирования этносов и руководствоваться ею в конкретных исследованиях. И. В. Власова и А. А. Никишенков, впрочем, допускают и определенную вероятность возникновения на российской почве собственных оригинальных методологических концепций; наиболее убежденным сторонником этой последней точки зрения является Я. В. Чеснов.

Несколько слов о том, что представляет собой сама экспертная группа, которая, благодаря способу ее формирования, может рассматриваться как репрезентативный фрагмент сообщества этнологов. Уже отмечалась достаточно высокая индивидуальность суждений наших собеседников. Сколько-нибудь постоянных «группировок» с противоположными мнениями в ходе исследования не выявилось. Напротив, один и тот же эксперт при обсуждении различных затронутых в исследовании проблем солидаризируется то с одними, то с другими из своих коллег. Интересно, что в ряде случаев в роли единомышленников оказались ученые, традиционно считающиеся оппонентами друг друга и, наоборот, в позициях «соратников» обнаружилась несхожесть. Таким образом, налицо

приоритет стремления к объективности над личными симпатиями и антипатиями, что можно расценивать как показатель «здоровья» научного сообщества.

Наиболее характерными для данной группы экспертов оказались взгляды С. А. Арутюнова, В. Н. Баилова, В. И. Козлова и В. В. Пименова, хорошо коррелирующие как между собой, так и (в той или иной мере) с суждениями большинства других участников опроса. Самым выраженным «нонконформизмом» отличается позиция Я. В. Чеснова.

* * *

Суммируя оценки и суждения наших коллег, еще раз кратко сформулируем ряд предположений, носящих прогностический характер.

Есть все основания думать, что в ближайшие годы внимание этнологов будет сосредоточено прежде всего на изучении таких феноменов, как этническое сознание и самосознание, а также тесно связанные с ними проблемы межэтнических взаимодействий. Приоритетными будут, кроме того, исследования этногенеза и этнической истории, соционормативной культуры и социальной организации этносов. Уникальная этнополитическая ситуация, сложившаяся в стране, заставит этнологов в первую очередь изучать имеющие прикладное значение аспекты этнических явлений и процессов. Фундаментальные исследования, связанные с формированием теоретико-методологической базы нашей науки, отойдут на второй план, так же как и те направления этнографических изысканий, которые принято называть «традиционными».

Источниковая база этнологии по-прежнему будет расширяться в основном за счет полевых исследований. Можно ожидать определенного роста интереса ученых к экспертной информации.

Что касается методов сбора эмпирического этнографического материала, то в ближайшее время будут доминировать «традиционные», неформализованные их виды, которые, однако, будут несколько модифицированы путем использования современных аудиовизуальных технических средств. Вероятно, большее распространение получит метод включенного наблюдения. Следует констатировать, что наметился явный спад интереса к «социологическим», строго формализованным методам сбора эмпирической информации. Это свидетельствует о преимущественном внимании исследователей к методам, связанным с «проникновением» в глубь изучаемого явления, но не обеспечивающим статистической репрезентативности эмпирического материала.

Говоря о методологических основах российской этнологии, следует признать, что монополия марксизма существенно подорвана и в ближайшие годы он, видимо, будет продолжать сдавать позиции (что, впрочем, не исключает сохранения им отдельных сторонников и даже приобретения новых, но спустя некоторое время, когда спадет волна стихийного отрицания); в то же время полный отказ от попыток построения универсальных обществоведческих концепций на современном этапе развития нашей науки также представляется маловероятным. Более реальна перспектива заимствования тех или иных теорий из арсенала западной науки или из хорошо забытого отечественного социологического наследия.

Авторы выражают признательность всем участникам опроса, а также Н. Л. Мехедову, выполнившему графическую часть работы.

Примечания

¹ Филиппов В. Р., Филиппова Е. И. Камо грядеши? // Этнографическое обозрение. 1992. № 6.

² См.: Атлас Б. И., Кудиновский О. Ю. Методологические вопросы использования экспертных оценок для составления долгосрочных прогнозов // Математические и информационные проблемы прогнозирования и управления наукой. Киев, 1971; Бешелев С. Д., Гурвич Ф. Г. Математико-статистические

методы экспертных оценок. М., 1974; Бурков В. Н., Панкова Л. А., Шнейдерман М. В. Получение и анализ экспертной информации. М., 1980.

³ Экспертные оценки в научно-техническом прогнозировании. Киев, 1974. С. 78.

⁴ Кемени Д., Снелл Д. Кибернетическое моделирование. М., 1972. С. 31.

⁵ Экспертные оценки... С. 86.

Crede Experto (Ethnology in Russia: Present Day and Future)

Present article is a result of the second stage of opinion poll of experts — the leading scientists of the Institute of Ethnology and Anthropology RAN and the Ethnology Department of the Moscow State University (the results of the first stage were published in «Ethnograficheskoye Obzrenie», 1992, N 6). Different viewpoints on the future of ethnology in Russia, its perspectives and ways of development are summarized by the authors on the base of special statistic methods. According to the experts, the primary attention will be paid to ethnic awareness and ethnic identity, as well as to ethnic relations. Studying of the ethnogenesis and ethnic history, social behavior and social organization will be actual too. But top priority task will be investigations of those ethnic phenomena and processes, which has applied significance.

It must be admitted that Marxist theory, evidently, will be weakened; simultaneously, the refusal of attempts to create a universal conception in social sciences seems hardly probable in our science today. In practice it will be most likely to adopt western theories or to revise our own scientific heritage.

V. R. Filippov, E. I. Filippova